

Наталья
КОРНИЛОВА

ПАНТЕРА

ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Наталья Геннадьевна Корнилова
Золотая лихорадка
Серия «Пантера», книга 12

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=152852
Пантера: золотая лихорадка: Повесть: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-06850-3

Аннотация

Всем известно, что клады, спрятанные в древних захоронениях, заговорены, а охотников за ними ждет проклятье – болезни и даже смерть. Правда это или нет – сотрудница фирмы «Частный сыск» Мария Якимова по прозвищу Пантера утверждать не может. Но не этим ли объясняется таинственное исчезновение ее босса Родиона Шульгина, который со своими бывшими однокурсниками каждое лето проводит на археологических раскопках? Звонок оттуда был более чем странным: срочно приезжайте, Родион пропал, и, возможно, его нет в живых... Разумеется, Пантера совершает стремительный бросок к месту раскопок старинных курганов. Но если бы она знала, что невинное хобби бывших студентов давно сплелось с криминалом, то могла бы избежать многих роковых случайностей...

Содержание

Пролог с утренней сценой	4
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	29
Глава 9	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Наталья Корнилова

Золотая лихорадка

Пролог с утренней сценой

– Ну и что будешь делать с нами, а, Артист? – тяжело дыша, спросил худошавый смуглолицый мужчина лет тридцати пяти, с коротко остриженными черными волосами и модной небритостью на подбородке. Он сидел в салоне машины рядом с мощным, вооруженным до зубов, улыбающимся и сияющим, будто его только что наградили, красавцем и сверкал темными глазами.

– В расход, что ли, отправить собрался? На кого теперь работаешь, сука?

– А то ты не помнишь и не знаешь, – улыбнулся тот, кого называли Артистом, поигрывая при этом пистолетом. – Вы вообще, конечно, веселые ребята. Я не ожидал вас так быстро раскрыть. Впрочем, на ловца и зверь бежит, и тебе это прекрасно известно. Можно подумать, будто я не знаю, что ты свернул с прямой дорожки, а, братело? Да чтоб никто не узнал?

– Зато ваша дорожка прямая! – взвился смуглолицый. – Да самой прямой дорожкой, какой ты когда-либо пройдешь, будет коридорчик до стенки, у которой тебя шлепнут! У вас-то на Украине моратория на смертную казнь нет!

– Коридорчик до стенки? Прямо как у Высоцкого: «Коридоры кончаются стенкой, а тоннели выводят на свет».

– Ладно, не заливай, брат. Сами виноваты. Никто не просил.

– Сами. А теперь тебе с компаньоном твоим придется ответ держать. Честно говоря, я рад, что вас не угробили со всеми остальными, прочими сволочами, – сказал Артист. – Я думаю, этого никто бы не одобрил. В общем, так, брат: никто тебя убивать, разумеется, не будет. Просто ты должен исчезнуть. Вася, зарули-ка вот к тому озеру.

Вася свернул и поехал по изъеденной колдобинами и рытвинами грунтовке, так и норовящей выскользнуть из-под колес, как норовистая кобылка из-под наездника. Сравнительно безобидные кочки вдруг резко сменялись кошмарными ухабами, на которых машину конвульсивно подбрасывало, а сидящего на заднем сиденье – мешком, расслабленно и обреченно-похмельного, с убийственной регулярностью тыкало головой в потолок.

– Что... что вы хотите делать? – выдохнул смуглолицый.

– Да ничего особенного. Просто поговорить, – сказал Артист. – Мы сейчас в десяти километрах от Нарецка. Никто ничего не узнает.

Смуглолицый вздрогнул. По его лбу ручьями тек пот. Он разлепил серые, цвета плохо выпеченного пирога, губы и выговорил:

– Но я не понимаю... зачем все это? Вы... вы в самом деле меня не убьете?

– Нет. Вася, останови. – Могучий Артист пристально посмотрел на смуглолицего и сказал: – Просто некоторых перестало устраивать то, чем ты занимаешься. Ты меня понимаешь. Так что...

Смуглолицый, как бы то ни казалось невероятным для его типа и оттенка кожи, мертвенно побледнел. Лицо его исказилось. В нарождавшихся предрассветных серых сумерках, без теней, оно казалось маской мумии.

– Некоторых? Вы говорите, что...

– Мы ничего не говорим! – резко перебил его Артист. – Просто тебя уже много раз предупреждали, но ты по-прежнему с упорством, достойным лучшего применения, гнешь прежнюю линию. – Он небрежно почесал дулом пистолета затылок, и при этом простом движении смуглолицего бросило в озноб. Лежащего же на заднем сиденье его товарища и

без того трясло от похмелья: судя по всему, бодун у него всегда был явлением исключительно введливым и мучительным.

Артист вышел из машины. В этот момент на берег озера подрулила вторая машина. Артист досадливо поморщился.

– Иди-ка сюда, – поманил он пальцем трясущегося смуглолицего, враз позабывшего все свои надменные повадки. Его палец уперся в валявшегося на заднем сиденье человека. По мановению руки Артиста того вытащили из салона и швырнули на влажную, еще холодную траву.

Утренний озноб, казалось, пронизывал нездоровый, словно простуженный воздух. Смуглолицего продолжало трясти.

– Вот видишь этого нехорошего дяденьку? В последнее время он проявил редкостную назойливость. Мы думали, что он простой алкаш, к тому же бывший урка, а он неожиданно для нас и, к несчастью, для себя оказался существом довольно памятливым. Все видит, все помнит. Я думаю, ты прекрасно догадываешься, кто тобой недоволен. Быть может, догадка твоя и верна, но оставь все свои версии при себе. Иди, иди сюда.

Он положил обе руки на плечи смуглолицего, поставил его перед собой и повернул лицом в сторону человека с заднего сиденья. Тот медленно поднимался с травы. Его широкое лицо было совершенно мокрым от судорожного пота. Артист сплюнул наземь, потом вынул пистолет и тщательно вытер его о рубашку. И медленно вложил его в руки смуглолицего человека, тут же сняв с предохранителя.

– Сделай это, знаешь ли. Ты должен это сделать. В конце концов, ты можешь сейчас обещать, что будешь вести себя как следует и исчезнешь с местного горизонта, а потом окажешься в своей стихии и снова будешь бесчинствовать и совать свой длинный нос куда не следует. Ты и на тот момент, когда тебя выловили, кажется, был под «коксом». Или под еще какой-то дрянью, а?

Тот хотел что-то сказать, но рослый Артист не позволил ему и слова вставить:

– Неожиданно, неожиданно. В Москве же тебя хрен достанешь, очень уж аккуратно ты там себя ведешь, милый. Да и людное место – Москва, не правда ли? А если ты убережешь своего подельника, вот этого уроды, то будет неплохой рычаг воздействия на тебя в случае твоего плохого поведения.

Тот помертвел. Он хотел что-то сказать, пистолет прыгал в руках, перед глазами скакали водянистые жуки в расходящихся концентрических кругах. Жаркий туман обнял голову, хотя утро было свежее.

– Я не... – начал было он, но тут же умолк. Артист перехватил его кисть, сжимавшую пистолет, и повел стволом в сторону:

– Не так, драгоценный. Вот он.

Только тут человек с заднего сиденья заметил, что целются именно в него. Он встал столбом и не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Смуглолицый держал пистолет нацеленным прямо в голову жертвы, но выстрелить не мог. Пистолет уже не плясал в руках, но конвульсии крупной дрожи время от времени пробегали по телу.

– Ну же... стреляй, – нежно сказал Артист.

Смуглолицый трясся. Человек с заднего сиденья стоял неподвижно, только непослушные ноги его заплелись в какую-то несообразную, вроде бы балетную, позицию.

– Стреляй, стреляй, стреляй, – трижды повторил Артист, каждый раз чуть более настойчиво. – Стреляй, а то будет хуже. Ведь Вова тебя сам замочит, если вы оба отсюда живыми уйдете. Так что лучше ты первый убей Вову, чем он тебя прикончит.

Смуглолицый попытался вдавить палец в курок, но тот не слушался его. Артист некоторое время презрительно рассматривал стоявшее перед ним перепуганное существо, а потом вдруг гаркнул:

– Пли!!

И тут же грянул выстрел.

Смуглолицый человек нажал курок чисто машинально, вздрогнув от резанувшего предутренний воздух властного окрика...

Выстрел грохнул, словно под тяжестью многих лет изломился ствол толстого старого дерева. И рухнул широколицый человек, выброшенный с заднего сиденья. Он взмахнул руками, словно совершивший непоправимую ошибку эквилибрист на канате над пропастью – как бы попытался удержаться, сбалансировать, уже понимая, что ему не вытянуть, не сохранить спасительное равновесие. Нет, человек не вытянул. Он упал лицом в росную траву, скатившись в углубление у левого переднего колеса машины.

Смуглолицый выронил пистолет, но за секунду перед тем, как оружие ухнуло бы на землю, в высокую прибрежную траву, Артист наклонился и, молниеносно выбросив вперед левую руку в перчатке, поймал ствол.

– Молодец, – сказал он. – Попал.

Смуглолицый поднял на своих мучителей отчаянный взгляд и вдруг бросился на Артиста. Не сходя с места, тот небрежно отшвырнул его коротким движением правой руки. Словно выстрелила пружина. Лицо новоиспеченного невольного убийцы залилось кровью, когда он упал на труп только что застреленного им человека.

И, вздрогнув всем телом, потерял сознание.

– Ну что, поехали, что ли, мужики, – брезгливо сказал Артист.

Глава 1

– Ну что же, Мария, – проговорил босс, откидываясь в кресле и закуривая очередную сигарету. – Я так полагаю, что ты предпочитаешь отмалчиваться. Что, как говорится, само по себе и не ново. Ну что ж, я не настаиваю. Давить на человека не в моих правилах, так что думай и решай сама. По всей видимости, у тебя есть над чем подумать, верно? Вот и прекрасно. Человек всегда должен думать, даже если эти мысли не совсем приятные. Без умственной деятельности даже самый конструктивный и творческий индивид засыхает на корню. Впрочем, ты и сама все прекрасно знаешь.

Родион Потапович, мой бесценный босс, был в своем репертуаре. Он много говорил, скупко и снисходительно жестикулировал, а курчава голова над линией худых плеч покачивалась, как башка долго и мудро прожившего почтенного филина. Впрочем, на все эти разглагольствования господина Шульгина можно было бы и не обращать внимания, так как он только что хорошо угостился подарочным марочным коньяком, который ему привезли из Франции. Никогда не питая чрезмерной склонности к употреблению спиртного, коей грешат многие из российских мужчин, Родион Потапович тем не менее имел слабость к хорошему коньяку. Впрочем, никогда не превышал своей нормы. Самым печальным последствием становилась его чрезмерная и довольно таки пустопорожняя болтливость, которой и в помине не было в рабочем процессе. То есть когда Родион Потапович брался за расследование очередного хитрого дела-головоломки, подбор ключей к которым так льстил его тщеславию.

Сейчас же он отдыхал. Отсюда и коньяк, отсюда и долгие речи в пространство. Нельзя сказать, что у Родиона Потаповича не было оснований для того, чтобы предаться отдыху. Более того, основания эти были. Два удачно проведенных расследования, одного из которых не постыдился бы если уж и не сам мистер Холмс, то Эркюль Пуаро – точно. Два расследования, и отсюда – неплохая касса и перспективы расширения дела. Новые горизонты. Вот об этом-то и рассуждал, распивая коньячок, мой вальжанный босс, вот о моем нежелании говорить по этому поводу он и витийствовал.

– Конечно, – продолжал он, – ты вполне можешь позволить себе взять паузу. Кстати, у тебя на это будет время. Я уезжаю из Москвы. Друзья пригласили. Вот, хочу молодость вспомнить.

– Как будто вы старый, – скептически протянула я. – Кстати, а куда вы уезжаете, если не секрет?

– Да никакого секрета. На Черное море, под Николаев. Там работают мои друзья. Они – археологи. То есть, конечно, они давно уже бывшие археологи, а занимаются по жизни совершенно другим, однако же время от времени приезжают на места боевой славы, так сказать, и ищут разного рода рухлядь.

– Что, простите?

– Это один мой друг, Коля Кудрявцев, так именует ископаемые артефакты, которые он достает из земли. Время от времени попадаются классные штуки. Кстати, в жену Коли Кудрявцева, Аню, я был когда-то влюблен.

Я даже вздрогнула от неожиданности. Нет, не потому, что Родион Потапович когда-то был влюблен в эту самую Аню. Это легко можно было допустить. Смог же он, в конце-то концов, влюбиться в мою подругу Валентину, которая в настоящее время является его женой. Смог даже ребенком обзавестись, которого нарекли чудовищно по современным представлениям об именах – Потапом. Потап Родионович Шульгин – это просто народоволец какой-то, но уж никак не ребенок двадцать первого века!

А удивилась я потому, что босс чрезвычайно редко говорил о своем прошлом. Более того, он предпочитал вообще помалкивать и не выволакивать на поверхность различные

подробности, относящиеся к своей прежней жизни. Откровенно говоря, к тому располагал и круг его знакомых, среди которых, как я узнавала вольно или невольно, попадались представители самых разных профессий и социальных пластов: от банкира и отставного генерала ФСБ до бомжа. Причем бомж вполне мог оказаться глубоко законспирированной единицей спецназа ГРУ.

Шутка.

О существовании Коли Кудрявцева, тем паче его жены Ани, бывлой пассии Родиона Потаповича, я слышала, разумеется, впервые. Странно, что он вообще сказал, с кем и куда едет. Вообще же в духе Шульгина было исчезнуть на несколько дней, а потом отбить какой-нибудь шальной факсик с ничего не значащей фразой типа: «Уехал по делам. Буду скоро – через три дня или через полторы недели».

Такой разброс сроков и вообще сама манера выражаться чрезвычайно бесили его жену Валентину. Она два или три раза крупно говорила с супругом, один раз даже порывалась уйти от него. И действительно ушла. В свою комнату.

Потому что, несмотря на внешнюю незлобивость и даже некоторую комичность, Родион Потапович был существом жестким. «От меня так легко не уйдешь», – мог бы он сказать про себя, как некий сказочный герой. Впрочем, босс предпочитал употреблять менее конкретные выражения, а чаще вообще ничего не говорить, а темнить до последнего. Даже если в этом не было никакой необходимости.

– Кроме них, там еще будет вся наша старая археологическая компания, – продолжал Родион Потапович, – Юля Ширшова, Олег Стравинский, Саша Ракушкин. Ну, других перечислять не буду: все равно ты их не знаешь.

По чести сказать, я не знала и перечисленных людей, не говоря уже о тех, которых Родион Потапович оставил за кадром. Впрочем, это было малосущественно, особенно в контексте сегодняшнего шульгинского откровенничанья.

– Значит, на археологические раскопки? – протянула я тем же тоном, каким, верно, следовало бы произносить фразы типа «значит, за кефиром собрались?» или «ваша мать женщина». – Ну хорошо, Родион Потапович, желаю вам откопать какого-нибудь такого незаурядного... неандертальца.

– Их там не раскопаешь, – с нотками обиды отозвался босс, – там мощный пласт древнегреческой культуры. Эллинистическая периферия.

Никогда не замечала в любезном Родионе наклонностей к истории, тем более древней. Тем более археологии. Если и приходится кого откапывать, так какого-нибудь более свежего индивида, нежели все эти неандертальцы и кроманьонцы. Скажем, банкира Мамонтова, с разрешением на эксгумацию которого так долго телились в окружной прокуратуре.

– Ну что же, – проговорил Родион непонятно к чему, – это, конечно, замечательно, но согласись, что в накаленной Москве, если ты не миллионер, больно-то не отдохнешь. Да и миллионеры, если говорить откровенно, предпочитают иные места летней дислокации.

Я повернулась и молча вышла.

Через два дня, нагруженный неимоверным количеством совершенно бессмысленных и ненужных вещей, к коим он всегда питал пристрастие, Родион Потапович вылетел на братскую Украину, где, как выяснилось, у него тоже много друзей. Среди его личного багажа числились такие нужные в сельской местности вещи, как ноутбук, набор курительных трубок, паяльник, саперная лопатка, а также эпиляционный крем Валентины (зачем?) и могучие болотные сапоги.

Глава 2

Особого желания отдыхать у меня не было. Напротив, я была снедаема какой-то жаждой деятельности, почти мучительной, похожей на чесотку. Наверно, это не совсем нормально, потому что именно в этот сезон, жаркий, тягучий, раскаленный, никому из вменяемых граждан не хочется работать или даже обозначать деятельность, а если кто-то это и делает, то только по принуждению.

Меня никто не принуждал, но почему-то именно в эти редкие дни, когда хотелось работать просто дико, босс объявил, что я могу отринуть все рабочие моменты и всецело погрузиться в пучину отдыха. Именно пучину, потому что в парадоксальные эти дни мне казалось, что отдых – это некая многоголовая гидра, которая, вцепившись, уже не отпустит.

Босс укатил в свой Николаев, где у него в очередной раз нарисовались новые (читай – старые, просто неизвестные нам) знакомые. Если честно, то мне это все равно. Я состою у него в роли ассистентки, первой помощницы и секретарши. Не секретутки, столь распространенного в России призвания, а именно секретарши.

Самым обременительным для меня в первые дни его отъезда было успокаивание Родионовой супруги, по совместительству моей лучшей подруги – Валентины. Правда, в последнее время в ней резко выиграл инстинкт собственницы, и она, что называется, предъявляла его боссу не по-детски круто. Характер у нее, доселе покладистый и куда как спокойный, после рождения сына Тапика, он же вышеупомянутый Потап Родионович Шульгин, резко испортился. Называется: обабилась. Валентина стала требовать от Родиона Потаповича совершенно неосуществимые по определению вещи, которые мешали не только ему, но и всей работе нашего детективного агентства «Частный сыск». К примеру, она рекомендовала ему сообщать ей, куда, с кем и зачем он идет. Это, мягко говоря, не укладывалось в рамки функционирования нашей конторы, но Валентина, растрачивая остатки здравого смысла, продолжала настаивать на своем. Общаться с ней стало совершенно невыносимо. Особенно это проявилось после отъезда босса в свой Николаев, где он, по собственному его утверждению, должен был копать древнегреческие артефакты. В общем, всякий бесполезный – кроме как с исторической точки зрения – хлам.

Валентина вбила себе в голову, что Родион Потапович непременно заведет себе любовницу. Впрочем, я сама виновата. Дала ей почву для фантазий. Зачем-то ляпнула, что Родион Потапович поехал в этот свой Николаев, точнее в его ископаемые окрестности, в компании с женой своего знакомого, в которую он был когда-то влюблен. Ляпнула я это необдуманно, после того, как мы с моим старым и неотвязным знакомым Бертом Сванидзе посетили ночной клуб и я пришла домой навеселе.

Ох, надо видеть, какое лицо было у Валентины! Даже после того, как я ей сообщила, что Родион поехал в пресловутую археологическую экспедицию еще с полутора десятком людей, а не с одной Аней Кудрявцевой, это ее нисколько не успокоило. Более того, в запале она назвала меня гнусной лгуньей и заявила, что я и Родион плетем против нее какие-то коварные интриги. Сверх этого, объявила Валентина, она нисколько не удивится, если окажется, что я и мой босс находимся в преступной любовной связи, а уж про Аню Кудрявцеву и вообще стоит помолчать.

Раньше я за ней такого, кстати, не замечала. Нет, раньше Валентина была куда более покладистой, а вот в последние два года испортилась. Нет, многие женщины, родившие ребенка и не имеющие возможности тратить время иначе, нежели как за ним ухаживать, становятся раздражительными и сварливыми. Однако же моя подруга перевыполнила все нормы. К тому же, верно, сыграла свою роль установившаяся в Москве тягучая жара. Зной перетекал по городу длинными липкими пластами, тяжело колыхался перед глазами, замут-

нял сознание, и, верно, простой москвич или такой же простой гость города и не мечтал ни о чем ином, как побыстрее нырнуть в суетливое, вечно куда-то стремящееся, но прохладное метро. Плавился не только асфальт, но и мозги. Валентина хоть в метро и не ездила, она вообще никуда не ходила, но упомянутый орган, то есть мозг, у нее явно был затронут.

– Не бурчи, – говорила я. – Уехал. Ну и что из того? Он все таки весь сезон отпахал как вол. Последний раз отдыхал, по-моему, два года назад, когда мы все вместе ездили в Испанию. Правда, и то путешествие получилось немного нелепым...

– Нелепым! – рывкнула Валентина, качая на руках пожарной сиреной разливающегося Тапика. – Вот именно что нелепое! У него все какое-то нелепое, если честно! Вся жизнь! Не по-людски как-то! «Все люди как люди, а я королева!» Это он так любит выражаться моим голосом, сама знаешь! И вообще, куда он поехал и зачем, все таки следовало бы сказать, а то он всякий раз уезжает, не сообщая, говорит, что работать, а тут, значит, отдыхать поехал!

Последнее было совсем уж вздором. Я улыбнулась и попыталась сказать по возможности мирным тоном:

– Валя, с определенной точки зрения тебя, конечно, можно понять. Только ты совершенно напрасно его ревнуешь непонятно к кому и к чему. Ну, захотел мужик отдохнуть ото всех – от тебя, от меня, от работы, от Москвы, – имеет право! Он пахал как вол. И ты зря стервозишься. Есть такая история про императора Наполеона III, который женился на красивойшей женщине своей эпохи – не помню, как уж ее там по имени и по титулу. Так вот, повторяю, она была настолько хороша, что ему и в голову не приходило бы изменять, но только она до того доводила его своими постоянными придирками, что он волей-неволей приучился отдыхать от нее с другими женщинами. Сама виновата! От добра добра не ищут.

– Так ты что же, думаешь, что он мне изменяет?

Ну вот. Приехали. Я воссоздала в памяти облик Родиона, каким он уезжал из Москвы несколько дней назад: маленький, шуплый, с ключьями торчащей шевелюрой, делавшей его голову неправдоподобно огромной по сравнению со всем прочим телом. Потертые брючки, выцветшая рубашка, которую он вытащил невесть откуда, хотя имел не такой уж плохой, по среднестатистическим меркам, гардероб. Походные очки, криво сидящие на переносице, диковатый блеск добродушных глаз, сероватые телячьи губы. И венчает все это великолепие дурацкая шляпа с кривыми полями. Ален Делон! Другое дело, что внешность Родиона надежно скрывала его главные достоинства: мощный интеллект, выверенную логику, волю. В существе, описанном выше и одетом подобным образом, все перечисленное, уверяю вас, сложно заподозрить. А женщины клюют, что бы там ни говорили, прежде всего на внешность, ну и деньги.

Все это промелькнуло в моей голове, и я отозвалась:

– Я ничего такого не думаю. Просто рассказала тебе историю про императора. К чему приводят дурацкие придирки.

– Ну, – протянула Валентина, – когда это там было... Император... Давно и неправда.

Валентина несколько поостыла. Честно говоря, я подозревала, что весь этот концерт она закатила по одной простой причине: ей было скучно, нужно было как-то занять себя. Впрочем, в каком-то смысле я ее понимала. Босс умел создавать обстановку, которая, если она не одушевлялась напряженной работой, казалась невыносимо скучной и нелепой. Сам вид того чудного здания, в котором мы имели счастье проживать, был таков. Выросшее на месте бывшей трансформаторной будки строение среди окружающих домов казалось неказистым и долговязым подростком, который никак не может повзрослеть.

Родион Потапович вообще был знатоком архитектуры. По крайней мере, он себя таковым считал. Правда, это нисколько не отражалось на постоянном достраивании нашей, с позволения сказать, «башни» уже в пять этажей высотой. Башня была и местом нашей прописки, и офисом. Последний полностью занимал первый этаж, и вход в дом осуществлялся

именно через него. На входе сидела я и контролировала всех приходящих и уходящих, включая отвратительного шарпея Счастливого. Когда же меня не было (обстоятельства!), то функции цербера возлагались именно на него, это четырехное ужасное существо, заведенное боссом в комплекте с ребенком. Уже много раз помянутым сыном Тапиком.

В обществе сына и шарпея Валентина и коротала дни, когда муж был в отлучке, а я... да мало ли по каким рабочим и внерабочим причинам я могла отсутствовать? Причин всегда хватало. Так что в мое отсутствие Валя вынуждена была еще и выполнять роль секретарши, которая вообще-то входила в пакет моих обязанностей.

Вот и сейчас. Я собралась было уходить, как зазвонил телефон. Валентина уже поднималась по лестнице на второй этаж, я открывала входную дверь, обе мы были примерно на одном расстоянии от звонящего аппарата. Наконец Валентина тяжело вздохнула и продолжила подъем. Где-то наверху заорал трехгодовалый Тапик. Почетная миссия снять трубку была возложена на меня.

Я подняла трубку и ответила:

– Детективное агентство «Частный сыск». Добрый день.

Глава 3

– Добрый, – ответил хриловатый мужской голос. – Я бы хотел услышать Марию.

– Я вас слушаю.

– Вы Мария?

– Да, говорите.

– Я почему-то был уверен, что трубку возьмете не вы и тогда возникнут определенные сложности.

– Прошу вас, не говорите загадками. Какие сложности? Если у вас заказ, то мы, к сожалению, лишены возможности вам помочь. Босса нет в городе. А без него я не могу принимать какие-либо ответственные решения.

– Гм... а мне аттестовали вас как женщину с безупречной логикой. А вы вот так. Ну что же. Начнем с самого начала. Кажется, я сразу сказал, что мне нужны именно вы, а не Родион... это... м-м-м.

Кажется, только сейчас я подметила, что говоривший был несколько... скажем так, выпивши. Что само по себе не могло вызывать у меня восторга. В чем нельзя было отказать моему анонимному собеседнику, так это в том, что он заговорил настолько быстро, что я не успела бы вставить ни слова протеста.

В его речи слышался еле уловимый мягкий украинский акцент.

– Мария, я вот что хотел вам сказать. Я беспокою вас из города Нарецка, это под Николаевом. У нас, к сожалению, с собой мобильных не оказалось, их вчера утопили в пруду. Это, конечно, плохо, да вот только не это самое плохое. В общем, я продиктую вам адрес и как добираться, а вы немедленно приедете.

– Не поняла, – проговорила я, – что-то случилось?

– Или может случиться, – перебил меня не совсем трезвый человек с украинским акцентом. – Об этом вас прошу не я, а Родион Потапович.

– А... почему он сам не позвонил-то?

– Долго объяснять. И не по телефону. Да и возможности особой не было.

– Вы, наверно, один из тех людей, которые поехали с Родионом Потаповичем на эти... на археологические раскопки?

В ответ послышался скептический смешок:

– Ну... если это так можно назвать – да, пожалуй. Больше я говорить не могу, потому что если я начну, то уж никогда не закончу. Лучше вот что: вылетайте ближайшим рейсом до Киева, нет, лучше до Одессы, а оттуда ходят автобусы до Николаева и с пересадкой до Нарецка. Конечно, можно и по железной дороге, но это, так сказать, очень медленно. А время, я так полагаю, не терпит.

– Но с кем я хоть говорю? – с некоторой растерянностью в голосе осведомилась я.

– Моя фамилия Кудрявцев. Николай Кудрявцев, я давний знакомый Родиона Шульгина, вашего начальника.

Ах, вот как, подумала я. Тот самый Коля Кудрявцев, о котором упоминал Родион. И жена его, Аня.

– Да, Родион Потапович упоминал мне о вас, – сдержанно произнесла я. – Вы, так сказать, его старый друг.

– Ну, не такой уж чтобы старый, но, верно, куда постарше вас. Мария, так вы приедете? Я понимаю, что ваша работа и ее специфика располагают к повышенной подозрительности, но тем не менее...

– Я приеду, – отозвалась я, – странно только, что Родион Потапович мне об этом не сказал сам. Что вы от меня скрываете?

Кудрявцев некоторое время помолчал. Потом он кашлянул и, понизив голос, произнес:

– Родион предвидел то, что случится, и предупреждал. Он говорил, что вы непременно зададите такой вопрос, не дожидаясь, пока прибудете сюда сами. Одним словом... у вас нет там параллельных аппаратов?

– Нет, есть просто другой номер в стенах того же дома. Валя, жена Родиона, разговаривает как раз по нему – у меня тут индикатор горит, так что она никак подслушать не может. Вы ведь, если не ошибаюсь, скрываете что-то именно от нее.

– Вы понятливы. Ладно, скажу. Одним словом, Родион Потапович погиб.

Что-то огромное, подобно нью-йоркской башне Всемирного торгового центра, обвалилось у меня в груди. Перед глазами плеснула дурнотная пелена. Не могу причислить себя к слабонервным истеричкам, способным два дня отпаивать себя валидолом и валерьянкой вследствие кончины любимого попугая. Но тут могу сказать – я чуть было не утратила контроль над собой и окружающей действительностью. Слишком просто и буднично были сказаны эти слова, слишком прост и незатейлив – и какая жуть в этой незатейливости! – был их смысл. Я пошевелила губами, которые показались какими-то чужими на моем лице, и, разглядывая в огромном, от пола до потолка, зеркале свое мутнеющее изображение, проговорила:

– То есть как – погиб? Вы же говорили... вы же говорили, Николай, что он просил меня приехать. Как же он мог просить, если с ним... если он...

– Простите меня, Мария. Я не думал, что это затронет вас до такой степени. Вы же просто сотрудник.

Я с трудом удержала себя в рамках приличия, проглотила застрявший в горле комок и, сцепив губы, слушала.

– То есть я знаю, что вы с Родионом Потаповичем давно работаете вместе. Словом, он пропал.

– Так пропал или погиб? – вырвалось у меня.

– Я считаю... – В трубке слышались странные хлюпающие звуки, потом забулькало, и я поняла, что Кудрявцев просто-напросто пьет что-то. И едва ли кефир. – Я считаю, что пессимист – это хорошо информированный оптимист. Именно к такой разновидности оптимистов я себя отношу и потому предпочитаю готовиться к худшему, чтобы не... не... В общем, вы меня поняли.

– То есть... – Я перевела дух, наряду с раздражением ощутив нечто вроде облегчения и затаившейся надежды. – То есть Родион погиб не наверняка, он просто исчез, а то, что вы мне сказали первоначально, – это не более чем ваши домыслы?

– Не домыслы, а гипотеза, – важно сказал Кудрявцев. Забулькало повторно.

Я проговорила:

– Николай, извините, не знаю, как уж там вас по батюшке...

– Петрович.

– Николай Петрович, я хотела бы знать, что произошло на самом деле, а не ваши, с позволения сказать, гипотезы выслушивать.

Сказано было довольно резко, но он не обиделся. Еще бы!.. Кудрявцев издал какой-то неопределенный звук, среднее между курлыканьем журавля и предсмертным кваканьем престарелой болотной жабы, только что раздавленной каблуком. Потом в трубке зашуршало, и возник ясный женский голос:

– Мария? Вы простите моего мужа, он вам тут, верно, наговорил. Вы не смотрите, что у него довольно странное произношение. Они тут второй день пьют. Мобильные утопили, пришлось ехать в Нарецк, чтобы позвонить вам. Я не знаю, какой у Коли с Родионом состоялся разговор, но вот только Родион куда-то исчез. Нет, я слышала, что Николай утверждал, будто он погиб. Не слушайте его. Он вообще нормальный человек, но, когда вырвется в эту

археологическую партию, начисто с катушек срывается. В Киеве с ним никогда такого не бывает.

– Аня? – предположила я.

– Да, Аня. Приезжайте, Маша. Мы вас встретим. Или, если вам удобно, скажем адрес квартиры, в которой мы сейчас находимся. Кто-нибудь останется, чтобы вас дожидаться. Потому что найти кого-либо на раскопках – дело совершенно нереальное.

– Значит, Родион пропал, – механически повторила я.

– Да, я очень волнуюсь, и все наши тут. В милицию заявлять бесполезно, все таки это Нарецк, а связываться с местным доном Корлеоне не хотелось бы. Родион сам за день до своего исчезновения говорил о том, что ваше присутствие было бы очень кстати. У него был озабоченный вид.

– Диктуйте адрес, – вздохнула я. – Приеду.

– Поторопитесь, Маша. Я не знаю, что тут будет дальше, но и уехать нельзя, и оставаться, честно говоря, боюсь. Приезжайте, по телефону нельзя, я на месте вам объясню. Диктую адрес...

Глава 4

Вот это номер! Мало того, что Родион уехал к совершенно неизвестным мне людям, так он еще, по всей видимости, уехал не просто так! Иначе не произошло бы того, о чем мне только что говорили по телефону. Он упоминал в разговоре с этими Кудрявцевыми меня... упоминал в таком контексте, что я могла бы пригодиться. Чудесно! Мой замечательный работодатель, по всей видимости, опять вписался в какую-то замечательную историю. Ни дня без проблемы, что называется. Как говорил один мой знакомый, высокообразованный человек с пятью классами средней школы и семью годами за кражу со взломом, «опять вписался хавалом в такой отвальный попадос, што чуть на ноль не умножили, епть».

А Кудрявцев – проникновенная личность. Это надо же, такое заявить с места в карьер: «Погиб, то есть не совсем погиб, то есть совсем-совсем не погиб, а это моя гипотеза, потому что пессимист – хорошо информированный оптимист» – и прочая, и прочая.

Вошла Валентина. В руках держала бутерброд. Она сама только что закончила разговор, но тем не менее спросила строго:

– Кто звонил?

– По работе, – не стала вдаваться в подробности я.

– Ты же отдыхаешь.

– Валя, ты вот что. – Я улыбнулась непередаваемо приторной ядовитой улыбкой. – Там, кажется, твой Тапик разорался. Иди качай.

Валентина неловко выронила бутерброд. Впрочем, последнему не удалось достичь пола. Вертевшийся у ног хозяйки пронырливый шарпей Счастливчик моментально проглотил добычу, в прямом смысле свалившуюся ему на голову.

Я из Москвы вылетела на следующий же день. До Одессы добралась удачно, чего нельзя было сказать о пути от Одессы до Николаева. Всю дорогу меня развлекал какой-то пожилой одессит самой характерной внешности, который, между прочим, утверждал, что лично знаком с Михал Михалычем, не Касьяновым, а Жванецким, и что родословная его, то бишь моего попутчика, восходит к дюку Ришелье. Принимая во внимание его выговор и длинный нос в сочетании с черными, в мелкий каракуль, волосами на приплюснутой голове, я могла скорее поверить, что его родословная восходит к Бене Крику с Молдаванки. Попутчик представился Семой Моисеенко (вроде украинская фамилия, а?) и, помимо всего прочего, усиленно травил еврейские анекдоты, стараясь завладеть моим вниманием.

Даже мои периодические мрачные взгляды не остудили его пыла. Наконец он заметил, что я недовольна, и, всплеснув короткими ручками, воскликнул:

– Да я вас умоляю! Наверно, вы думаете: вот пристал этот Моисеенко, привязался таки, вы на него только посмотрите, нет, вы на него только посмотрите! Он ведь еще в ресторан пригласит и кушать будет! Девушка, вы так не расстраивайтесь. Я если с вами еду – это как на мину наступил: стоять – вроде таки неудобняк, а ногу поднять – так ведь убьет, подумать только!

Я улыбнулась, потому что это было действительно смешно, и ответила:

– Образно сказано.

– Да вы еще не слышали моей тетушки Ривы! Она так и говорит: от тебя, Сема, как от судьбы, никуда таки не ускочишь. Был у нее один знакомый дядюшка, жил он, не приведи боже, в Париже. Как ни странно, он там жил не на улице Розьер, близ синагоги, а в самом что ни на есть французском квартале и поэтому совсем офранцузился, перестал исполнять субботу, праздники забыл, свинину кушал за обе щеки, в общем – француз французом. И только одно напоминало о его национальности, и это была его фамилия. Хорошая такая фамилия: Кацман. Самая обычная фамилия, только не в Париже. И решил этот

дядюшка сменить свою фамилию, раз только она от его национальности и осталась. Решил просто перевести ее на французский язык. «Кац» – по-еврейски, на идише, «кошка» – по-французски будет «ша» (chat), «ман» – по-еврейски «человек», а «человек» по-французски будет «лом» (l'homme). Вот и дивитесь, девушка: вместо Кацман получилось Шалом. Вот это моя тетушка Рива и называет: от судьбы не уйдешь.

– Интересно, – сказала я. – Наверно, остроумный дядюшка.

Сема Моисеенко, верно, хотел сказать еще что-то, но в этот момент его прервали. Прервала не кто иная, как старушка, сидевшая в электричке прямо напротив нас. Старушка имела сухое лошадиное лицо, поджатые губы, под морщинистым лбом в глазницах ворочались два выпученных глаза, зеленовато-серых, водянистых. По мере того как она прислушивалась к речам Моисеенко, глаза ее выпучивались все больше. На сухой морщинистой шее натягивались две остро выступающие жилы. В тот момент, когда казалось, что глазам дальше некуда выпучиваться, а жилам натягиваться, старушечья подалась вперед и гаркнула:

– Что смеетесь? Вам по сорок лет, а вы смеетесь!

Я мельком глянула в свое отражение в оконном стекле и увидела там элегантную блондинку, которой ну никак нельзя было дать больше двадцать пяти – двадцати семи лет. Старушка же перекинула свой огонь на Сему Моисеенко и, до поры до времени оставив мою скромную персону, сосредоточилась всецело на моем словоохотливом спутнике. Начало было впечатляющим:

– Ты на себя посмотри! Ты же жид! Жид! Ты с Молдаванки. Говори, ты с Молдаванки, Мишка Япончик – твой дедушка! Ты, иудей! Что лыбишься?

Моисеенко безответно пожимал плечами, обозначая слабую улыбку. Дальше события развивались совсем уж в непредсказуемом ключе. Бойцовая старуха подскочила и, ткнув узловатым заскорузлым пальцем сначала в бок, а потом в спину сидевшего рядом согнутого седенького старичка, заорала на весь вагон:

– Он пенсию получает, а вы куда едете?!

– Дурдом, – шепотом сказал Моисеенко.

«Задачки сумасшедшего математика», – подумала я.

– А ты, ты что с ним разговариваешь? – напустилась старушка уже на меня. – Из какой масонской секты твои родители? Что молчишь? Масонка, масонка, на лбу написано! Была бы из секты, не стала бы с ним общаться!

– Караул, – все так же шепотом сказал Сема Моисеенко.

– Ницше был хор-рошим человеком, он умер в сумасшедшем доме! – рявкнула старушка, на некоторое время отвлекаясь от нас. Моисеенко хотел было завести привычную речь о том, что он – это судьба, но его тут же пригвоздила фраза:

– А ты что молчишь? Ты на себя посмотри, а не молчи! Жид несчастный! Ну, я тебе говорю, придурок очкастый!

– Тетушка, а вы не пробовали провериться у психиатра? – самым любезным тоном спросил Сема Моисеенко. – У моей тети Ривы есть прекрасный врач, честный человек и семьянин. Он – диагност, его зовут доктор Шапиро. А вы почему такая антисемитка и ксенофобка? У вас, наверно, нелады с пищеварением?

Хорошо, что нам уже нужно было выходить. Иначе последняя фраза Моисеенко, сказанная от чистого сердца, могла бы дорого нам обойтись.

Я не могла тогда и подумать, что нелепая стычка в электричке со старушкой, чьи выпученные глаза были совершенно бессмысленно налиты ненавистью к миру и маразматическими сенильными процессами, идущими во всем организме, – что эта стычка сыграла какую-то роль во всей скверной истории с исчезновением Родиона и моей поездкой на юг Украины. Я и предположить не могла, что попутчику моему, знатному и занятому рассказчику анекдотов Семе Моисеенко, тоже предстоит некая миссия, которую может выпол-

нить только он. Сема Моисеенко, очкастый племянник неизвестной мне и, кажется, веселой тетушки Ривы.

Глава 5

С трудом отделавшись от Семы Моисеенко, который тоже, как выяснилось, выходил в Нарекке, я разыскала нужный адрес. Искомый дом находился в тихом зеленом дворе, в котором, несмотря на превосходный летний вечер, не оказалось ни единой живой души. Двух же пьяниц, лежавших на земле возле бревна под деревом, пришлось отнести к душам скорее мертвым.

Я поднялась по лестнице и позвонила.

Не открывали долго. В подъезде было прохладно и тихо – ни звука. Сквозь выбитую форточку окна просачивалось пение птиц, отдаленный шум машин, чей-то голос надсадно кричал: «Ле-о-ошка, выходи! Ле-ошка, выходи!» Сердце гулко подпрыгивало, как накрытый ладонью воробей.

Наконец послышались приближающиеся шаги, и низкий мужской голос спросил по-украински:

– Якого биса?

– Мы улавливались, что я приеду. Мария, из Москвы, – четко и без промедления ответила я.

Тихий кашель. Зашумел, открываясь, замок, и на пороге оказался невысокий лысеющий мужчина средних лет. У него было круглое лицо, круглые же очки и покатые плечи. Брови мужчины круто взмывали вверх, будто когда-то он крупно удивился, да так и застыл с выражением вечного изумления перед жизнью.

За его спиной возник второй: высокий, сутулый, широкоплечий, лет под сорок пять, с полуседыми волосами, стянутыми на затылке в хвост. Широкоформатные роговые очки, плотно сидевшие на переносице, придавали лицу этого второго озабоченное, преувеличенно внимательное выражение. Он вытянул губы трубочкой и сказал, чуть растягивая слова:

– А мы вас ждали. Проходите. Коля, отодвинься от прохода. Проходите, располагайтесь. Сейчас будем говорить.

– Говорить... Ну не молчать же! – буркнул круглый и откатился от двери, как некорректно задетый кием бильярдный шар.

В квартире было прохладно, из кухни пахло квасом и укропом. Я почему-то подумала, что второй, с полуседым хвостиком, и есть Николай Петрович Кудрявцев. Но первые же его слова опровергли мое предположение. Все оказалось совсем не так. Николай был тот, кто открыл мне дверь. Он же проговорил вежливо:

– Простите, Мария, кажется, во вчерашнем разговоре с вами я немного дал волю фантазии. Вы не обижаетесь на меня? – И, не дав мне и пикнуть, продолжал: – Вот и прекрасно. Тем более что сейчас не время личным обидам.

– Хотелось бы, Николай Петрович, услышать то, что ни вы, ни ваша жена вчера не стали проговаривать мне по телефону.

Он отчего-то вздрогнул:

– Моя... кто?

– Жена.

– Аня?

– У вас есть другие жены? – вопросом на вопрос, в лучших традициях Семы Моисеенко, ответила я.

Он провел ладонью по лбу:

– Ах, ну да. Простите, запамятовал. Это самое... был трудный день.

– Практически женитьба Фигаро, – тиснул цитату высокий с седым хвостиком.

– Вы хотели рассказать мне, что, собственно, произошло, – напомнила я.

– Да-да, конечно, – ответил Кудрявцев. – О Родионе. Он приехал четыре дня назад. Не могу сказать, чтобы он цвел и пах, но особой озабоченности или недовольства я в нем не заметил. Впрочем, наш Родион всегда был человеком скрытным.

«Это уж точно, – подумала я. – Скрытным – не то слово».

– Он уже года два не приезжал летом на наши традиционные встречи здесь, под Нарецком. Я лучше расскажу с самого начала нашего знакомства, чтобы расставить все акценты. Чтобы вы лучше проникли в ситуацию. Значит, о нашей компании. Мы все учились в одном институте. Саша, вот он, – Николай кивнул на высокого, и тот с готовностью вытянул губы трубочкой и кивнул важно, – учился на пятом курсе, когда мы поступили на первый курс. На истфак Киевского госуниверситета.

– Родион учился в Киеве?

– Да.

– Я всегда думала, что в Москве.

– Ну, это он потом учился в Москве, а сначала в Киеве – до того, как его перевели...
гм... в другое место.

«Интересный у меня босс, – мелькнула у меня мысль, – если даже его бывшие однокурсники говорят о нем в таких приглушенных тонах, а я, его ассистентка, правая рука, в первый раз слышу и об учебе в Киеве, и о нарецкой компании археологов-любителей».

– Состав нашей нынешней компании сформировался на первой же археологической практике, а это было на втором курсе. Вел практику как раз Саша Ракушкин, он. – Кудрявцев снова кивнул на человека с хвостиком, и тот опять с готовностью вытянул губы трубочкой и наклонил голову с той же любезной важностью. – Саша у нас знаток археологического дела, он при случае все-все вам расскажет. А возможность такая будет, потому что будет и необходимость. Так вот, вернемся к Родиону. Шульгин учился с нами три года, а потом его перевели в московский институт. Мы тогда не знали причин, думали, что у него трения с деканом, в дочь которого он был влюблен. Декан этот, кстати говоря, мой нынешний тесть, Михал Борисыч.

– А студенческая любовь Родиона, следовательно, ваша жена Анна, не так ли, Николай Петрович?

– Ну да, – с легкой досадой повел тот плечами. – И не хлещите меня именем-отчеством. Я еще не такой старик, чтобы мне полное ФИО в обращение ставили. Вон Саше сорок пять, а его все на «ты» и по имени, потому что нам так больше нравится. Зовите меня просто Николай, а как выпьем сегодня вечером, так и Коля.

– Простите, что? Выпьем? – с вопросительной интонацией вставила я.

– Ну да. Выпьем. Непременно. А какая же археологическая партия без этого? Вы знаете, у меня в Киеве свой бизнес, неплохой, кстати, так я там себе ничего, кроме минеральной воды, не позволяю. А здесь, понимаете ли, отдыхаю душой и телом. Только на этот раз отдых как-то не заладился. Это Родион, чтоб его...

– Его уже нет, – предупредила я возможные «кудрявости» в адрес Шульгина, – так что продолжайте.

– Саша, налей там вина, а то мне сегодня за руль, – кивнул Ракушкину Коля Кудрявцев, и тот, с готовностью поднявшись, провозгласил что-то относительно «социального зла и главного бича современной интеллигенции – пьянства», направился на кухню.

– Вы будете пить за рулем? – удивленно спросила я.

– Вы, Маша, не представляете, какие на выезде стоят злые гаишники. Да, Маша. Они, если видят машину с российскими номерами, сразу же штрафуют. И сумма штрафа, кстати, не зависит от того, трезвый ты или пьяный. Так что можно.

– С российскими номерами? Но вы же говорили, что вы из Киева.

– У меня, что ли, у одного машина? Это Олежа Стравинский из Самары прикатил, а по пути захватил Сашу. Саша у нас кандидат исторических наук, живет в Энгельсе, этот город – спутник Саратова, пишет диссертацию и работает водителем троллейбуса.

Я подняла брови, услышав такое вавилонское смешение жизненных поприщ одного человека. Явился Ракушкин. Молча разлил всем вина, меня даже не спросил, буду ли, но на лице его при этом сияла такая любезная улыбка, что отказаться недостало моральных сил.

Залив бензобаки, пара с киевского истфака переглянулась, и Коля Кудрявцев продолжал:

– Значит, о Родионе. Я говорил, что его перевели с третьего курса исторического факультета. Тогда мы не знали, в чем дело. Потом выяснилось, что Родиона, как и всех особо смышленных студентов, просто-напросто завербовал КГБ. Ну да... И ничего тут постыдного нет. Попробовал бы кто отказаться. Сразу и из комсомола, и автоматически из института вылетели бы. Просто не всем предлагали стать осведомителем. А Родиону предложили. И он, я так полагаю, довольно высоко вскарабкался, да и до сих пор оземь не шмякнулся. Если уж создал частное детективное агентство, которое хорошей репутацией в Москве пользуется.

– Правда, – кивнула я.

– В этот раз я сразу заподозрил, что Родион не просто так приехал. Да он вообще ничего не делает просто так. У него, как в рассказах Чехова, везде есть какие-то свои подводные течения, в которые не абы кто может заплывать. Вот так. Я думаю, это вам известно не хуже меня.

– Да.

– Так вот, в первый день он вел себя довольно раскованно и даже выпил неплохо. С Юлей Ширшовой даже два раза поцеловался, они много лет назад чуть было не поженились.

«Вот какой у меня Родион, – подумала я, – а я его тихоней считала. А он и с Аней, и с Юлей, а где-то там, в Москве, Валя одна».

– На следующий же день, когда мы пошли на раскопки, он не столько работал, сколько озирался, а потом куда-то пропал. Правда, не с концами, под вечер вернулся. Говорил, что ходил купаться. А что купаться, если до речки десять минут, до моря – пятнадцать, а он часа четыре ходил. Плескался, что ли, как тюлень? Потом выяснилось, что он в Наревке был. Его видели. Стоял с каким-то типом, лысым и блестящим, как шар бильярдный. В укромном месте были, их случайно заметили.

Его, Родиона то есть, Костя Гранин засек, он как раз в город за выпивкой мотался, потому что ее... она... в общем, машина с цистерной местного крепляка не приехала отчего-то. А без крепляка ни ужина, ни обеда. Не водку же на такой жаре, в самом деле, дуть.

– Да уж известно, – деловито высказался с дивана седовласый троллейбусник Саша, кандидат исторических наук, пишущий докторскую. – Водку в жару пить аполитично.

– В тот же день, когда он исчез, вообще все странно было. Сначала пропал мешок со всеми вещами Онуфрия Штыка. Штык, конечно, недотепа кошмарный и пропойца, все таки журналист, но не до такой же степени он... журналист. Онуфрий-то.

– Его так и зовут – Онуфрий? – осведомилась я.

– Так и зовут, – даже подпрыгнул на кресле Коля Кудрявцев, и я проглотила подступивший смех. Сразу вспомнился отпрыск Родиона – Потап, которому еще предстояло позать ниву анкетных и бытовых мук и неудобств, связанных со своим чудовищным, на мой взгляд, именем.

– У Штыка вообще постоянно что-то пропадает, – сказал Саша Ракушкин. – Только, знаете ли, не так, чтобы сразу полный комплект вещей. В основном он терял фляжки. Вещь в нашем археологическом обиходе не менее необходимая, чем саперная лопатка. Ну еще – термос. В него вино охлажденное наливать – в самый раз. А вечером мы в таз вино наливаем

и через край пьем. Так вот, Штык терял фляжки. Стрельнет у кого-нибудь флягу с топливом, хватит до дна, а потом заснет – и поминай как звали. Флягу, конечно. Штык-то всякий раз находился, да еще похмелить просил. Лучше бы вместо Родиона мы Штыка потеряли, – серьезно-добродушно заключил Ракушкин и стал оглаживать свою косичку.

Я слушала, не понимая, какое отношение все это, включая Онуфрия, имеет к Родиону и его таинственному исчезновению. В голову уже лезли всяческие предположения относительно того, что я зря приехала за тридцать земель, быть может, все это шутка, инспирированная археологическим экстазом и многодневным пьянством. И вот сейчас приедем в этот героический... то есть, тьфу ты!.. археологический лагерь, и выйдет мне навстречу расхристаный Родион, который в самом деле не помнит, где он был вчера.

Ох, где был я вчера, не пойму, хоть убей,
Только помню, что стены с обоями.
Помню, Клавка была и подруга при ей,
Целовался на кухне с обеими, —

как пел Владимир Семенович. Стоит только заменить песенных Клавку и ее подругу на Юлю Ширшову и Аню Кудрявцеву, и получится полное соответствие.

– Ну, ты нас в сторону увел, Саша, – сказал Кудрявцев с ноткой недовольства. – И вообще, что тут отираться, нужно ехать в лагерь. Вино допили? Вот и отлично. А по пути расскажем все остальное.

Глава 6

По пути я слышала много слов, но процент тех, что говорились по существу, был чрезвычайно невысок. Судя по всему, Саша Ракушкин и Коля Кудрявцев пользовались вольностями своей нынешней жизни в полном объеме. Иногда даже сверх одного. Объем вольностей был прямо пропорционален литрам выпитых алкогольсодержащих жидкостей и обратно пропорционален степени конструктивности беседы. Особенно усердствовал троллейбусный кандидат наук, который приехал на раскопки без супруги, забытой в славном городе Энгельсе. Колю-то Кудрявцева его благоверная ждала в лагере.

Лагерь так называемых археологов оказался в живописнейшем месте, в котловине между двумя пологими холмами. Неподалеку влекла свои воды река, а совсем-совсем близко, судя по рокоту, было и море. Ракушкин, который к тому времени выглядел благодушнейшим из смертных, сделал широкий жест рукой, предположительно открывающий широкую панораму с холма, на который взлетала грунтовая дорога, и сказал:

– Огарки эллинской цивилизации. Но здесь, признаться, так сказать, лежит мощнейший культурный пласт, который мы по мере возможности стараемся осветить. Правда, время от времени мера меряется литрами. И это не всегда есть gut.

– Это правда, – авторитетно подтвердил Кудрявцев, энергично кивая с такой амплитудой, что я побоялась за сохранность его шеи. Впрочем, при ближайшем рассмотрении она оказалась красной и могучей, так что физические упражнения были ей даже на пользу.

В расположении лагеря горели два костра. Вокруг источников света стояли четыре палатки, а пляшущие языки пламени являли фантастическую картину переплетающихся теней, полутонов, перетеканий одних колеблющихся контуров в другие. Контуров принадлежали десятку или более того людей, никто из коих не сидел спокойно на месте. Все сновали, сустились, нарезали круги между палатками; в близлежащих зарослях мелькали фонари, по растущему неподалеку мощному дереву карабкался некто с фонариком в зубах, очевидно, относящийся к той же веселой компании.

– Вот здесь мы и отдыхаем, – подытожил Коля Кудрявцев, переключая скорости, – а это, как легко догадаться, наши товарищи. Что-то опять они разбегались.

– Небось снова Штык потерялся, – предположил Ракушкин, вытягивая губы трубочкой. – Нажрался и закатился в раскоп. Ищи его теперь.

«И все от пьянства, – подумала я. – И кто бы мог заподозрить моего босса в том, что он может вписаться в подобную куда как веселую и разношерстную компанию? Коньячку он, конечно, всегда любил выпить, но чтобы так...»

Ракушкин, казалось, прочитал мои мысли, потому что повернулся и назидательно произнес:

– Вы, Маша, ничего такого не думайте. Между прочим, почтенная Мария, вы не правы, если думаете, что все пороки общества проистекают от пьянства. Тем более что мы вас вызвали по пьяной лавочке. Нет уж! Пьянство – оно, конечно, есть откровенное социальное зло. Но буде вам известно, был такой греческий мудрец Сократ.

– Известно, – сдержанно сказала я.

– Так вот, Сократ утверждал, что пьянство вовсе не формирует в человеке пороки, нет! Оно их просто выявляет. И правильно! Если человек подлец и себе на уме, то по-трезвому он может скрывать от общества свою сердцевину. А уж ежели он выпьет чего-нибудь приятного, вроде спирта медицинского ректифицированного, то уж тут он никак не удержится от того, чтобы не открыть свою истинную личину. Понимаете?

– Она-то понимает, – отозвался Кудрявцев, останавливая машину, – а вот ты, Саша, кажется, не понимаешь, что мы уже приехали.

– Конечно, конечно! – восторгнулся тот и, не открывая дверцы, полез в окно. Человек он был немаленький, так что застрял немедленно, да в таком положении и захрапел.

Коля Кудрявцев растерянно на него посмотрел.

– Нет, оно, конечно, ничего, – сказал он, ни к кому не обращаясь и, по всей видимости, успокаивая самого себя. – Только мне потом опять машину мыть придется.

Саша Ракушкин, вывалившись из окна до половины, мирно почивал вниз головой. Полз храп. Лоб кандидата исторических наук и водителя троллейбуса по совместительству почти уткнулся в траву, прохладную, темную, пронизанную тонкими ароматами накатывающейся украинской ночи...

Я и Коля Кудрявцев вышли из машины и двинулись к ближнему костру. Возле него сидели две женщины, и по тому, с каким оживлением одна из них подняла голову при приближении Кудрявцева, я поняла, что это его жена, Аня. Та, в которую, по его собственному признанию, был когда-то влюблен Родион Потапович. У нее были тонкие, несколько неправильные черты лица, капризный рот, на щеках плясали блики от костра, а в больших глазах поблескивало что-то обманчиво расслабленное, влажное.

– Коля, – сказала она, – я вас сегодня не ожидала.

Вторая женщина едва ли могла быть мною опознана (я и Аню-то Кудрявцеву угадала лишь по косвенным признакам), однако же подскочивший к костру мужчина сказал с довольно сильным кавказским акцентом:

– Ну что, умный дэвочка Юля Ширшова, я тэбэ говорил, что нужно было у нас в Сочи оставаться или вообще поехать на Кипр, а ты – туда, сюда, здесь лучше, романтика, в поисках прекрасного!.. Я бы не сказал, что тот, кого мы сейчас ищем, очень уж прекрасен.

– Не гнуси, Инвер, – ответила Ширшова, с которой, по уверению моих спутников, накануне своего исчезновения в подпитии два раза поцеловался мой босс. – Думаешь, мне это очень нравится? Только нужно было сразу его, как говорится, выгонять из похода, а не теперь – задним числом.

– А кто, собственно, пропал? Кого, кого ищем-то? – с тревожными нотками спросил Коля Кудрявцев, приближаясь к костру.

– А все того же, – ответила Аня. – Драгоценный Штык твой пропал. Кстати, он все Ракушкина искал, а когда ему отвечали, что Ракушкин в город уехал, все хохотал идиотски и порывался «посушиться», как он сам говорил. В костер прыгал. Приходилось вытаскивать, чтобы ожогов не получил. Джордано Бруно хренов.

– У меня в Сочи есть знакомые, – сказал Инвер без особого оживления. – Ладно уж были бы, как я, то есть чурки с гор, так нет же, русские. Открыли гриль-бар, назвали – нарочно не придумаешь – «Жанна д'Арк». Хорошо еще, что не открыли дайвинг-клуб. Я бы предложил им название: «Му-му». А ты что же это, Коля, не познакомишь нас с дамой? – И он хитро глянул на меня. – Садитесь поближе к костру, а то тут, в этой местности, не так тепло, как может показаться. Меня зовут Инвер. А вы, очевидно, Мария?

– Она-то Мария, – недовольно проговорил Коля Кудрявцев. – А вот ты, Инвер, откуда знаешь, кто она такая?

– А мне Штык сказал, пока не пропал. А ему сказал Олег Стравинский, он около того костра на туфяке лежит. А уж Стравинскому разболтал Ракушкин, твой компаньон.

– Как-кой еще компаньон? – непонятно отчего вздрогнув, спросил Кудрявцев. – А... ну да, Ракушкин. По секрету всему свету... Впрочем, с вашей братией никакого секрета не утаишь. Ладно. Это, как ты правильно сказал, Инвер, – Мария, она работает у Шульгина в Москве. Мария, а это вот наши отдыхающие. Не сказать, чтобы такие уж археологи, а так – шалопаи, джентльмены удачи. Это Инвер Кварцхелия, из Сочи, это – Костя Гранин. Он у нас типичный джентльмен удачи, в том смысле, что замашки – чисто пиратские. Ром

из горлышка пьет, а за неимением рома – все, что придется. В миру же Инвер – архитектор, а Костя работает в фирме по продаже газового оборудования, в Ярославле он живет.

– Не только джентльмены, но и леди удачи, – вмешалась Аня Кудрявцева. – Я жена Коли, как вы, Маша, наверно, уже поняли, а это Юлия Ширшова, она у нас деятель, совладелица фирмы по организации гастролей всяких поп-звезд, тоже из Сочи. Их много там понаедет, особенно в августе. Так что Юле приходится в июне отдыхать.

– Хорошо, что не в декабре, – отозвалась та грудным, хорошо поставленным голосом. – Вы можете расслабиться, Маша. По-моему, вы себя не совсем в своей тарелке чувствуете. Не понимаете, зачем вас сюда вызвали, наверно?

– Да есть немного, – призналась я.

– Мы вот пока тоже – не очень. Это вам Коля с Сашей Ракушкиным объяснят. Они, я полагаю, уже пытались, только не в полном сознании. Ракушкин спит, верно?

– Да, в машине...

Всего «археологов» было одиннадцать человек. Компания в самом деле подобралась дружная, веселая и умеющая отдыхать, хотя большинство не имело особо глубокого представления о том, что такое археология и с чем ее кушают. Помимо уже известных мне Ракушкина, Коли и Ани Кудрявцевых, Юли Ширшовой, Гранина и Инвера, я познакомилась с таким колоритным персонажем, как Олег Стравинский, писатель из Питера, Наташей Касторовой, поварихой из Николаева, необъятных размеров женщиной с крошечными руками и ступнями, умеющей великолепно приготовить любую пищу из чего угодно, а также пить сколько угодно и рассказывать смешные анекдоты. Она чем-то напомнила мне моего сегоднешнего знакомого из электрички, Сему Моисеенку.

Из прочих стоило выделить, пожалуй, только пресловутого Онуфрия Штыка, незадачливого выпивоху с нелепым именем, который постоянно ставил своих товарищей попеременно то в затруднительное, то в неловкое, а то и одновременно в оба положения. Кстати, он так и не появился, а искать его бросили, решив, что он заснул где-нибудь на природе в радиусе километра от лагеря.

Глава 7

– Честно говоря, Маша, я и сама не знаю, в чем дело и куда запропастился Родион. Если говорить о том, каким он сюда приехал, то скажу: не таким, как обычно. Его всегда отличала предельная скрытность, знаете ли. Но тут он был совершенно не похож на самого себя...

– Молчал? – спросила я у Ани Кудрявцевой.

– Если бы! Напротив, он был слишком говорлив, что показалось мне... ну, не подозрительным, но уж точно необычным. Позволил себе выпить лишнего, и мне показалось, что его что-то тяготило. Мы с ним достаточно близкие люди... не в том смысле, в каком это можно истолковать превратно, просто давно знаем друг друга и привыкли взаимно доверять. Хотя мне кажется, что он даже себе не до конца доверяет. Вот ты, Маша, ты с ним работаешь уже несколько лет бок о бок, живешь в одном доме, встречаешься каждое утро и желаешь спокойной ночи каждый вечер, ты лучшая подруга его жены, ты первая, кто поздравил его с сыном... А вот теперь скажи: много ли ты о нем знаешь? Видела ли ты, например, его родителей? Его мать, отца? Можешь ли ты сказать, что знакома хотя бы с самыми близкими его товарищами? Ведь о существовании всей этой компании, где верховодят мой муж Коля и Ракушкин, ты узнала несколько дней назад. Мы касались этого в телефонном разговоре, да?

– Касались, – настороженно сказала я.

Мы с Аней сидели у костра. Второй костер уже почти потух, возле него разбросалась на туфлячке тушка мирно похрапывающего писателя Стравинского. Рядом с ним храпел Костя Гранин, которого не пустили в палатку, потому что он наелся до отвала горохового супа. Вся прочая братия, за исключением спящего в машине Ракушкина и шлявшегося невесты где Штыка, расположилась в палатках. Легли довольно рано, в половине одиннадцатого или даже раньше. Уснули мгновенно. Это мотивировалось тем, что в течение всего сознательного светового дня, копая и находя древние артефакты, леди и джентльмены старательно выпивали и не всегда закусывали. Так что посиделки, которые, как мне казалось, могли закончиться далеко за полночь, оказались куда короче, и тому была масса причин, уважительных и не очень.

Бодрствовали только мы с Аней Кудрявцевой, которая относилась, как показал свежий опыт, к наиболее сознательной части археологической партии.

– Аня, а кого ты имела в виду, когда говорила, что не хотелось бы связываться с местным доном Корлеоне? – спросила я. – И какое отношение все это имеет к Родиону? То есть имеет и может ли иметь?

Аня повернулась ко мне вполоборота и произнесла:

– Да, имеется такой индивид. У него тут, так сказать, нарецковский филиал, а основные дела в Николаеве и Киеве. Ну и в Москве, верно, есть завязки, на Москве, как и раньше, в странах бывшего СССР, практически все завязано, куда ни кинь. Фамилия у этого типа говорящая – Злов. Ему даже погоняло давать не надо, фамилия получше всяких погонял его характеризует. Не скажу, что он очень уж серьезный человек, но в общем – ничего, выходец из бывших «ракетчиков», то есть рэкетиров. Держит несколько неплохих структур, имеет свой собственный банк. У него прямая линия со смотрящим по Одессе и югу Украины, неким Ключом. Ключ – положенец по югу Украины, то есть Одесской, Николаевской, Херсонской областям, ну и так далее. А Злов с Ключом, как эти уроды сами говорят, – в близких отношениях.

– Откуда у тебя такая подробная информация? – спросила я.

– Ну так я же журналистка по образованию, работала раньше в киевской газете, по криминальной хронике и проблемным правовым материалам специализировалась. Сейчас

вот – Коля просил – уволилась, теперь временно ничего не делаю. А как говорят, нет ничего более постоянного, чем временное.

– Это уж точно, – согласилась я. – А что, у этого Злова были контакты с Родионом? Или же у тебя, Аня, есть какие-то основания думать, что Злов причастен к исчезнованию Шульгина?

– Если уж на то пошло, то каждый знает, что Злов имеет отношение ко всему крупному беспределу, что происходит в Нарецке и окрестностях. Сам Злов живет в Николаеве и наезжает сюда, в Нарецк, не так чтобы часто. Зато у него есть такой сподвижник, правая рука – вот тот здесь рулит. Почти его однофамилец.

– Это как же – «почти»? Уж не Лихов ли?

– Нет. Козлов!

Я усмехнулась.

– Доходило до смешного, – продолжала Кудрявцева, – открыл Злов в прошлом году в Нарецке новую торговую конторку, обозвал ее ТОЗТ «Злов и К°». А на табличке под этим «Злов и К°» написано: «Директор – Козлов». Вот такие каламбурчики и перевертыши получаются.

– Все понятно, – отозвалась я. – И какое отношение имеет к ним Родион?

– Самое прямое. Я видела, как он, Родион, выходил из дома Борьки Злова с этим холуем зловским, полуоднофамильцем – господином Козловым. А с ними еще какой-то тип мелкоуголовного вида, позже оказавшийся неким Уваровым, записным бандитом. Да!

– Интересно, – сказала я. – Но ничего из ряда вон выходящего. Я видела Шульгина в такой компании, от которой сам черт отшатнулся бы. Рабочая ситуация, подумаешь. Другое дело, что сюда он не работать, а вроде как отдыхать приехал.

– Я не знаю, что у вас в Москве называется «рабочей ситуацией», – сухо сказала Аня, – а вот у нас, в Киеве, да даже и здесь, у моря, это совсем по-другому называется. Я сама видела, как Уваров принялся орать на Родиона в присутствии Козлова, видела издали, правда, так что не могла разобрать, что он говорил...

– Ну, и?..

– Что – «и»? Родион приехал в лагерь очень поздно, подавленный, улыбался через силу. А на следующий день труп Уварова выловили из пруда. С простреленной башкой! Понимаешь? Что тут хорошего можно подумать, особенно если учесть исчезновение Родиона. Он утром собирался съездить к Егерю...

– Это еще кто?

– Увидишь, если захочешь. Забавный человек этот Егерь, хотя и себе на уме. Ну так вот, он мне сам сказал, что хотел съездить к Егерю, посоветоваться. Ну, уехал, и с концами. Потом мы с Колей поехали в домик к Егерю, но самого не обнаружили. Зато обнаружили вот это.

И она вынула из кармана джинсов трубку. Нет, не трубку сотового вроде тех, что были недавно утоплены в близлежащем водоеме компанией «археологов» и лично г-ном Штыком, как оказалось при ближайшем рассмотрении, а курительную трубку.

– Ну и что? Факт трубки еще ни о чем не говорит.

– Согласна. Но в том-то все и дело, что это была за трубка. Весьма редкая коллекционная трубка. Я узнала ее даже при том скудном, колеблющемся свете, который давал костер. В огонь давно уже никто не подбрасывал дрова, но я тем не менее разглядела. И саму трубку, ее изящную изогнутую форму, и то, что являлось наиболее отличительным фрагментом ее. Определяющим моментом. Трубка определенно делалась на заказ, и потому на мундштуке ее стояли две выпуклые готические буквы: Р. Ш. «Родион Шульгин».

– Она лежала там?! – воскликнула я. – Там, в этом домике... как его... Егеря?

– Да. Но важно и то, как она лежала.

– Как она лежала? – машинально повторила я с вопросительной интонацией.

– Она лежала в луже крови.

Я вскинула на нее глаза, и Анна повторила:

– В луже крови, вот именно!

– А Егеря не было?

– Не было.

Я помолчала, не зная, что сказать, а потом спросила первое, что пришло в голову:

– А кто такой Егерь?

– Живет здесь неподалеку. Прозвище у него такое. А как его зовут, я даже не помню, потому что... не помню. Очень забавный такой человек. Он, кажется, раньше действительно был егерем. В национальном парке вроде как работал, он где-то здесь поблизости. Национальный парк, кажется, называется Кинбурнская коса. Слышала, что там красиво, лебеди, все такое. Но сама никогда не была. Так этот Егерь там работал вроде бы. Говорят, что у него весьма бурная биография. Когда он вышел на покой, то поселился неподалеку от моря в домике. Там у него иногда приезжие ночуют. Вот я, например, ночевала с мужем, Родион, бывало, у него останавливался. Он такой человек, всем рад.

– Значит, эту трубку в луже крови нашли? – отрывисто спросила я.

– Да, и кругом были следы борьбы. Мебель раскидана, в переплете рамы стул застрял, как будто его кто-то туда швырнул. Мы Егеря дождались, он поддатый пришел, говорит, что был на рыбалке. Нас не дослушал, спать повалился.

– Кровь не взяли на экспертизу? Человеческая она, а может, кровь животного?

Аня изумленно воззрилась на меня.

– Сразу видно, Маша, – наконец сказала она, – что ты впервые в здешних местах. Какая экспертиза? Тут в округе в радиусе тридцати километров ни одного трезвого мента не найти, а какие и есть, те в Наревке и сюда не поедут ни за что, будут переадресовывать к сельской милиции. А там известно какие кадры, особенно тут, на Украине! А если наревские приедут, то лучше бы они вообще не приезжали. На кого угодно «глухарь» повесят, лишь бы себе отчетность не портить. У нас в прошлом году и вовсе анекдотический случай был. Тут подпасок жил, идилический сельский дурачок, звали его Демьяша-эколог. Эколог – это за то, что он почти при каждом слове портил воздух. Он же в основном бобами питался, еще бы!.. При этом он кривлялся и хохотал. Так вот, пришел к этому Демьяше-экологу какой-то тип из предвыборного штаба Злова. Злов тогда в какую-то думу избирался. Говорит: дадим тебе жирных коров, а ты будешь всем говорить, что это коровы из фермерского хозяйства Бориса Сергеевича Злова. Не знал деятель из избирательного штаба, к кому обращался, что ли? В общем, дали Демьяше денег и коров, а взяли обещание всем говорить, что это коровы из фермерского хозяйства Злова, и если выберут Злова, то область будет процветать, как это стадо. Ну, представитель не так, конечно, говорил, но надо знать Демьяшу-эколога!..

– Ну и дальше?

– Приехала какая-то комиссия. Наверно, к ее приезду Демьяшу-то и инструктировали. А у Демьяши в стаде бешеный бык только что забодал корову, Демьяша быка утихомиливает, сам весь в кровище, а тут комиссия. И спрашивают, прямо как по сказке про маркиза Карабаса: чье это стадо? Не его спрашивали, но у дурачка нашего слух хороший, и он проорал, весь в кровище, верхом на быке: «Стадо это... ф-ф-ф!.. господина Злова, и ежели вы яво изберете, то будете жить, как енто стадо! Тпруу, скаженная скотина!!!»

В общем, скандал был жуткий. Демьяше дали четыре года, уж за что, никто не знает. Зато Злова избрали. Он по телевизору заявил: «Вот как меня травят, уже пастухов-дурачков в наглядные антиагитаторы записали!» А ты, Машка, говоришь – милиция. Видишь, какие тут дела.

– Как же его осудили, этого Демьяшу? – спросила я. – Он ведь слабоумный?

– А их, что ли, волнует!

– Н-да, – протянула я, – веселые тут дела. Но мы отвлеклись. Мы о другой крови, не Демьяшиной скотины. О той, что на полу у Егеря. И вы, конечно, тут же решили, что это кровь Родиона.

– А что мы могли решить, если трубка его валяется, клочок его волос нашли, и вообще...

– Какой клочок волос?

– Родиона.

– А почему ты решила, что волосы принадлежат Родиону? Тут же рядом такие места, лиц с курчавыми волосами много. Вот, к примеру, сегодня я с одним таким в электричке ехала, – припомнила я Сему Моисеенко. – Но на самом деле все, что ты мне говоришь, куда как серьезно. Почему же ты мне сразу не сказала? И Коля что-то не упомянул, только молот всякую ересь со своим Ракушкиным, троллейбусных дел кандидатом.

– Да уж, – сказала Аня несколько заплетающимся языком, потому как мы с ней только что уговорили литровую бутылку местного разливного красного вина, – это они могут. Пойду разбужу Колю, спрошу, чего это он тебе сразу всего не рассказал.

– Не дури, Аня, зачем его будить? – не поняла я. – Пусть себе спит, он и так утомился за день. Тем более что к нему в палатку залез, кажется, еще и Инвер этот.

– Ну, Инвер как раз совершенно безобидный товарищ, так что к нему претензий нет, – сказала Аня, поднимаясь. – Скажу тебе по секрету, что он вообще очень милый. Себя вот «чуркой с гор» запросто обозвать может, а ведь любой кавказец на такое сразу обидится. С Инвером Юля Ширшова... хы-гымм... общается.

И она, не обращая ни малейшего внимания на то, что я пыталась ее придержать, направилась к палатке, где спал ее муж. Я попыталась было погрузиться в размышления, однако же не успела. Меня отвлек диалог, состоявшийся между Аней Кудрявцевой, заглянувшей в палатку, и недовольным сонным Инвером, которого она разбудила:

– О-о... а где мой? В другую палатку пошел спать, что ли? Или закатился невесть куда, как Штык?

– Сы-пит? – прохрипел Инвер. – Черта с два он спит. Он уехал. Уехал, вот.

– Куда уехал?

– А черт его зна-а-а... Я спал, ему звонили на мобильный. Я проснулся, он говорил: «Сейчас приеду». Пьяный был, а все равно куда-то ехать собрался. Я хотел ему сказать, куда ж это он поперся, но он как раз стал проверять, сплю ли я. Подозрытелный, да. А я такого нэдоверия не люблю, притворился, что сплю... хр-р-р... фью-у-у-у!.. – Судя по этому звуковому сопровождению, Инвер попытался захрапеть, но настойчивая Аня не дала:

– Какое уехал? Ку-уда? Белая горячка у него, что ль, началась? Лавры Штыка покоя не дают или как? Нет, в самом деле, Инвер, ты можешь ответить, куда он поехал?

– Вы-вы... в Нарецк.

– В Нарецк? Что ему делать в Нарецке в одиннадцать часов вечера?

– А это ты сама у нэго спроси. Вот позвони на мобильный и спроси.

– И позвоню, и спрошу! И я... – Голос Ани осекся, и она медленно проговорила: – Позволь... какой мобильный? Он же говорил, что утопил его в пруду. То есть он говорил, что и его, и еще пару телефонов утопил этот... Онуфрий. Штык.

– А мне почем знать, откуда у него новый мобильный? – осведомился Инвер. – Может, купил, может, в карты выиграл. А поехал он в какую-то контору с идиотским таким названием. Школьным каким-то. То ли «Жи-ши пиши через «ы-ы-ы», то ли «Не» с глаголами...» э-э...

– Ты что несешь?

– Э-э, несет Красная Шапочка. Пирожки больной бабушке. А я правду говорю. А-а-а, вспомнил название фирмы, слушай. Значит, так: «Суффикс» она называется.

Глава 8

Без двадцати двенадцать вечера.

Именно столько показывали огромные настенные часы в офисе фирмы «Суффикс». Да, именно так поименовал одно из детищ своего финансового гения великолепный господин Злов. В детстве он недоучился в школе, и то, что он недоучил, старательно воплощал на вывесках своих фирм. Так, одна из принадлежащих ему нарецковских радиостанций диапазона FM называлась: FM-Достоевский. При этом сам Злов полагал, что Достоевский – это игрок хоккейного клуба НХЛ «Детройт Ред Уингз». Офис «Суффикса» уже давно опустел, и только два охранника обходили территорию, да уборщица, моложавая мобильная старушка со шваброй, размахивала своим орудием труда так, словно в него был встроен реактивный двигатель на дизельном топливе. И как будто на улице было раннее утро, а не давным-давно наступили ночные сумерки.

Впрочем, уборщице было все равно, в какое время убираться: в офисе у нее была своя каморка, где она часто и оставалась ночевать.

– Марковна, ты все убрала? – недовольным тоном спросил один из охранников. – Пора закрываться. У нас еще бутылочка винца есть распить. А ты разработалась не к добру. Хотя мы, бывает, и в одиннадцать закрываемся, но все равно – сейчас вообще полночь практически. Даже по летнему времени многовато. Сегодня просто бешеный день.

– Бешеный не день, а Злов. Как с цепи сорвался. Конечно, его понять-то можно, – нетопливо проговорил второй охранник. – Ну надо же! Говорят, Козлов лоханулся по-крупному.

– Говорят, что скоро чистка в конторе начнется, – сказал первый. – Марковна, да не маши ты так своей шваброй! Не такая чистка!!

– Тебя не поймешь, – проворчала та, – то говоришь мне попроворнее закругляться с уборкой, а теперь говоришь – не маши.

– Да отстань ты от нее, Степа. Иди лучше третий этаж и офисные комнаты обойди. Я там еще не смотрел.

– Ладно, – отозвался круглоголовый Степа и отправился по указанному адресу.

Он поднялся по широкой, роскошно отделанной лестнице на третий этаж и прошел по длинному коридору, застланному скрадывающей шаги ковровой дорожкой, мимо ряда лакированных черных дверей с блестящими ручками с покрытием под позолоту.

Офис был совершенно пустынен. Еще бы он не пустовал в такое время, близко к полуночи! Последним ушел главбух Вася Миронов, у которого сегодня был праздник, и он не то что дебет с кредитом, а и собственные ноги толком свести не мог – разъезжались, хоть ты тресни. С момента его ухода (точнее, уполза) прошло более часа, и охранник Степа был уверен, что никого в офисе нет. Он прошел вдоль коридора и не спеша повернул обратно.

Профилактический этот обход имел скорее традиционный смысл, нежели практический. Степа медленно прошел мимо офисных комнат, кабинета директора, складских и инвентарного помещений.

Он уже миновал было дверь последнего, когда ему послышалось, что за дверью пищит телефон. Телефон – в инвентарной комнате, где хранятся канцелярские принадлежности, кипы бумаг для ксерокса и принтера, разнокалиберные мелочи?.. Степа недоуменно пожал здоровенными плечами и подумал, что ему, вероятно, показалось. Он поднял было ногу, чтобы шагнуть по коридору, но звонок повторился. На этот раз охранник расслышал его куда более ясно.

Степа отцепил от пояса массивную связку ключей, приблизился к двери и, подобрав нужный ключ, открыл дверь. Вошел в помещение и зажег свет. Конечно же, в инвентарной

никого не было. Да тут никого и не могло быть по определению! Простите – откуда и кто, если все руководство и персонал фирмы уже давно ушли? Звонок тем временем не умолкал. Он был приглушен, словно шел из замкнутого помещения, просачивался во внешнее пространство и доходил до настороженного слуха охранника Степы уже сильно искаженным, приглушенным и, если можно так выразиться, отретушированным.

Степа постоял на пороге, тряхнул головой, а потом решительно направился к массивному металлическому шкафу, в котором хранились визитные карточки каждого из сотрудников, числом по сто на каждого. Судя по всему, трели сотового шли именно оттуда.

– Забыли мобильник, что ли? – пробормотал Степа и начал подбирать ключ к шкафу. – А потом опять будут меня щучить... дескать, пропадают вещи на ровном месте, а ты, Степан, не пасешь.

Степа засунул ключ в скважину и, повернув его, с силой потянул дверь на себя. И тут же попятился от изумления и ужаса. Прямо на него из шкафа вывалилась сетка, плотно набитая кипами визиток. Но уж, конечно, вовсе не это вызвало смещение на лице охранника Степы.

Вслед за визитками из шкафа вывалился труп мужчины с разбитым лицом. Точнее, ссадина была на лбу, и она не выглядела уж столь ужасной. Кровь успела засохнуть, и полосы глазных яблок за полуприкрытыми веками остекленели. Труп вывалился и с шумом упал на пол – прямо на то место, откуда секунду назад в панике отпрыгнул охранник Степа. На поясе убитого был прицеплен мобильный телефон. Именно он издавал звуки, привлечшие охранника.

Неизвестно, что руководило Степой в его последующих действиях. Он остолбенело смотрел на убитого, а потом, вероятно, не отдавая себе отчета в том, что делает, отцепил трубку мобильного с пояса мужчины, коснулся телефонной клавиатуры и произнес, не сводя взгляда с трупа:

– Але... да. Это кто? – Молчание. – Кто это? – повторил Степа.

В трубке возник неуверенный женский голос:

– Коля? Коля, ты что, с ума сошел? Ты куда на ночь глядя подался? Лавры Штыка...

Степа машинально прервал:

– Нет, нет... я не Коля. Я, это самое, я – Степа.

– Какой еще Степа? Вы что там все окончательно перепились, что ли, с горя? Зачем вы, Степа, взяли мобильник моего мужа? Где он сам?

– Он... рядом со мной, – сказал охранник.

– Вот и отлично. Ну так позовите его.

– М-м-м... а кто говорит? – не найдя ничего лучшего, промямлил охранник.

– Вам же сказали, жена! Его жена, Аня, если угодно, меня зовут!

– М-м-м...

В трубке возникла пауза, потом женский голос с уже откровенно раздраженными нотками нетерпения проговорил:

– Да. А что та...

– Говорит охранник офиса «Суффикс» Степан Матвеев, – четко проговорил тот. – Вот что, Аня. Немедленно приезжайте сюда.

– Куда – сюда?

– В офис.

– Какой офис? «Суффикс»? Это книготорговый магазин, что ли? И что, Коля там? Ведь уже поздно! Где он? Позовите его.

– Я не могу его позвать, Аня. Приезжайте в офис.

– Не можете позвать? Почему?

Степа опустился на колени возле тела Коли Кудрявцева и, дотронувшись рукой до его уже давно остывшего лба, произнес:

– Мужайтесь, Аня. Его убили.

Глава 9

Аня вздрогнула, ее мобильный телефон выскользнул из руки и упал на землю. Она схватилась за голову и вдруг побежала куда-то в темноту. Опрометью, быстро-быстро, так, что даже я догнала ее метрах в пятистах от лагеря, на обочине грунтовой дороги, ведущей к морю. Я схватила ее за плечо и с силой остановила. Она подняла на меня лицо, на котором зловещими пепельно-серыми пятнами проступала мертвенная бледность, и проговорила:

– Шутят... я надеюсь, что у этого Степы такое сомнительное чувство юмора. Будем считать, что шутка немного не удалась. Тебе же мой муж тоже говорил, что Родион погиб. А он... а у него... просто трубка курительная в луже крови да еще прядь волос... вот...

Я подалась к ней, схватила за плечи и буквально выстрелила ей в глаза яростным, горячим, ищущим взглядом:

– Да ты что, Аня? В чем дело? Что такое случилось с Колей?

– Мне нужно ехать.

– Если нужно, то езжай, но ты не должна оставаться одна. Я поеду с тобой. Но куда ехать-то?

– Он сказал, он сказал, что мне нужно ехать в офис какого-то «Суффикса», – проговорила Аня и шагнула на проезжую часть, завидев огни приближающегося автомобиля.

Она подняла руку, останавливая машину.

Ехавший прямо на нее «БМВ» тормознул, завизжали шины, тонированное стекло опустилось, и выглянувшая из салона лысая башка рывкнула на чистейшем русском языке, если к подобному вообще применимо понятие «чистейший»:

– Ну ты, будка, мать твою! Разуи глаза! Смотри, куда прешься!

Я шагнула к машине и, решительно распахнув дверь, проговорила:

– Довезите до города.

– До какого города?

– До Нарецка.

– Да ты че, телка? – вежливо поинтересовалась лысая башка и даже клацнула зубами, очевидно, чтобы я лучше поняла его мысль. – Я ж и так стрелы типа пробиваю пацанам. Там в бане пацаны ждут. Хочешь, и вас возьмем... покувыркаемся. – И гоблин, красноречиво покосившись на стоявшую за моей спиной Аню, мерзко хохотнул, скаля зубы, половина из которых была искусственного происхождения. Другая половина, впрочем, тоже.

Я не стала долго разговаривать. Аня Кудрявцева находилась в полуобморочном состоянии и угрожающе покачивалась, а этот отморозок, эта злокачественная помесь плохо дрессированного орангутана и потомственного урки в третьем поколении еще шуточки шутит!

Конечно, бедняга браток ни в чем не виноват. Ну вот такое у него воспитание и жизненное кредо. И то, что он двух слов не может выговорить нормально, – это не его вина, просто парню не повезло с происхождением и окружением. Да и не там он машину тормознул и не тех «телок» в баню начал приглашать.

Я чуть наклонилась внутрь салона, протянула руку, а потом почти неувлимым для глаза движением заехала бритоголовому в точку чуть ниже уха. Парень вздрогнул, закатил глазки и упал головой на руль. Отключился, если судить по моему личному опыту, да по крепости этой бритой башки, которой не страшно, наверно, даже стенобитное орудие, примерно минут на десять.

Я обошла машину и аккуратно открыла дверь со стороны водителя, молодой человек вывалился из салона и преспокойно улегся на асфальте. Ничего, сейчас не зима, почки и всякие там мужские дела не застудит. А машину ему вернут. Попозже. Придет какой-нибудь молодцеватый корыстный хлопец из ГИБДД, или как это здесь называется, и скажет,

дежурно улыбаясь: «Ваша машина, уважаемый, обнаружена возле мусорного контейнера, что на перекрестке улиц таких-то. А там, кстати, стоянка запрещена. Так что платите штраф, уважаемый россиянин, незалежный украинец либо почтенный белорус».

– Садись, Аня, – сказала я. – Поедем в эту «Приставку»... то есть «Суффикс». Да садись же ты!

– Он сказал, что Колю убили... – пробормотала Кудрявцева, почти без чувств опускаясь на переднее сиденье. – Он сказал, что...

– А-ня! – Я потрепала ее ладонью по голове, потом решительно уселась за руль. – Не волнуйся ты так! Ну... может, это глупая шутка! Ты же мне сама рассказывала, как в Турции твой Коля пошел купаться в море и изображал, что он утонул, а ты дико перепугалась и начала звать на помощь, а потом три дня с Николаем совсем не разговаривала. Ведь было такое?

– Было...

– Ну вот. Может, тот, кто взял Колину трубку, уже напился до клубящихся в углах зеленых чертиков. А сам Коля действительно мертвецки, только – пьяный и валяется где-нибудь под столом. Они же сегодня отрыли какой-то черепок! Да и меня встречали. Как говорится, если это не повод, чтоб хорошо выпить, тогда что же... А Ракушкин говорит, что пьянство, конечно, социальное зло, но оно не формирует социальные пороки, а выявляет их.

Я продолжала болтать, но, откровенно говоря, на душе было мутновато. Я чувствовала, что вся та успокоительная дребедень, которую я спешила вывалить на голову Ани Кудрявцевой, на самом деле обернется еще большим расстройством. Если такое желудочно-кишечное и сентиментально-истерическое слово – «расстройство» – вообще применимо в случае, где, как мне неотвратимо начинало казаться, уже пахло трагедией.

– Тот, который взял трубку, – он не был пьян, – выговорила Аня. – У него был такой голос... как будто... как будто это в самом деле правда.

Я хотела что-то сказать, но горло перехватило, и я поняла, что весь мой опыт, вся моя интуиция, наработанные за эти годы, априори выносят жестокий и безапелляционный вердикт: Коля Кудрявцев в самом деле мертв. Конечно, тут могут просматриваться особенности моего собственного восприятия, ведь я сама только что услышала тревожные подробности исчезновения моего босса Родиона Потаповича – кровь на полу домика Егеря, потерянная трубка, прядь волос, – но все же, все же...

Мы въехали в Нарецк. Стремительно темнело. Собирался дождь, и с реки тянуло промозглой – совсем не июльской – сыростью. Порывы ветра били, как плети, по ветвям деревьев, задушенно бились в узких улочках, полоскали флагами и рекламными транспарантами. Небо наливалось какой-то угрюмой, нездоровой, по-октябрьски массивной свинцовостью, и казалось, что вот-вот это тяжелеющее небо сорвется с невидимых нитей и, как перезревший гигантский плод, рухнет на землю и задавит город. Немногочисленные пешеходы перебежали улицы, кутаясь в плащи и курточки, и проскальзывали в арки и подворотни, чтобы скорее укрыться от назревающего обвала непогоды.

И неправда, что «у природы нет плохой погоды – каждая погода благодать». Неправда. Такая погода, какая была сейчас, не имеет права наказывать невинных людей. По крайней мере, тогда, когда так натянуты нервы, и тревога, тем более жуткая, что для нее нет пока веских оснований, стучит в жилах, в висках и кончиках пальцев, как загнанная в ловушку птица.

И спасение одно – скорость.

Угнанный мной «БМВ» вылетел на встречную полосу и, срезая поворот и не обращая внимания на возмущенные гудки, проехал вдоль чугунного забора и остановился возле входа в офис «Суффикса». Тут под тусклыми фонарями еще стояло несколько машин, среди них

около трети – не с украинскими, а с российскими и иностранными, в смысле молдавскими и белорусскими, номерами.

Почти синхронно с нами, как я заметила, к зданию подъехал серый «мерседесовский» джип, из которого вынырнули несколько парней и решительно направились к входу в офис.

– Так, Анечка, – произнесла я, – что-то мне подсказывает, что эти ребята ну явно не из прокуратуры или ментовки. Наверное, хотя бы потому, что их машина весьма мало напоминает служебную «Волгу». Вот что. – Я порылась в сумочке и протянула Кудрявцевой свой сотовый телефон, Анин-то разбился и остался лежать на земле там, возле импровизированного лагеря горе-археологов. – Сиди тут и, если что, сразу звони вот по этому телефону. Не мне, конечно, у меня-то второго нет... но все равно, мало ли. Я, значит, пока пойду и посмотрю, в чем дело. Не нравится мне все это... не нравится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.